

С. В. Добряков

Мир детей в прозе Вадима Шефнера

Цель работы – описание художественной прозы Вадима Сергеевича Шефнера, объединенной «детской» тематикой и проблематикой. В работе затрагивается соответствующий этому определению круг текстов, созданных автором на протяжении 1940-х – 1970-х годов. Изучается проблематика самоопределения и воспитания юных персонажей, моральные коллизии в сложных условиях формирования характеров подростков – советского быта и беспризорничества 1920-х годов, трудностей военного и послевоенного времени. В статье сделаны попытки соотнести сюжеты текстов с фактами биографии писателя. Описан прием художественного биографирования, с помощью которого автор в художественном произведении рассказывает о нравственном становлении своего двойника. «Биография» героя соотносится с биографическим авторским контекстом, отраженным в мемуарах писателя. Учтен контекст русской советской прозы, перекликающейся с творчеством Шефнера.

Ключевые слова: В. Шефнер, проза, тема, повесть, рассказ, дети, гармония.

Для цитирования: Добряков С. В. Мир детей в прозе Вадима Шефнера // Art Logos (искусство слова). – 2024. – № 1. – С. 80–97. DOI: 10.35231/25419803_2024_1_80. EDN: JDTVAL

Лауреат многочисленных премий В. С. Шефнер (1915–2002) известен прежде всего как поэт и автор научно-фантастической прозы. Следует оговорить, что вопросы полноты и точности издания прозы Шефнера не решены в целом, выход всеобъемлющего собрания его сочинений также представляется делом будущего, но его наследие заслуживает всестороннего изучения. Пока наследие Шефнера оценено в десятках рецензий на его книги, биографических справках к юбилеям, библиотечных обзорах. Литературными критиками составлен творческий портрет Шефнера [10–12; 15], охарактеризовано поэтическое творчество [2; 4; 20] и фантастическая проза [1; 6–7; 13]. В данной работе рассматривается тематическая группа прозаических текстов, посвященных теме детства.

Материалы и методы

Материал настоящей статьи – рассказы и повести В. С. Шефнера, основными героями которых являются дети и подростки: «Жаркое лето», «Наследница», «Черта города», «Облака над дорогой», «Никто не умрет», «Чужедомье», «Лесное чудо», «Ночное знакомство», «Счастливый неудачник», «Миллион в поте лица» и др.¹ Проблематика «детских» произведений Шефнера сосредоточена на психологии детей, условиях приобретения ими морального и социального опыта в трудных жизненных условиях. Считаем возможным соотнести проблемы взросления юных героев произведений Шефнера с личной судьбой автора в детскую и юношескую пору, о чем свидетельствуют его мемуары и дневники [19]. Основным методом анализа текстов является сравнительно-типологический, применяемый в двух аспектах: в контекстно-биографическом и в контекстно-литературном для сравнения произведений сходной тематики и проблематики.

Результаты

Писатель занялся литературным творчеством в 1930-е годы, в Ленинграде [19; с. 269–293]. Основное место среди его произведений заняли стихи. В 1940 году Шефнер написал рассказы «Жаркое лето» и «День чужой смерти». В этих ранних опытах сложился круг тем, разрабатываемых автором и в последующем творчестве. Одной из таких тем стал внутренний мир детей. Так, в «Жарком лете» показана ревность, которую испытывает юный герой-рассказчик. Из-за нее он ненавидит своего друга Леньку Ситникова. Причиной оказывается Шурочка – подруга и соседка по дачам. Шурочку отталкивает грубость героя. При этом усиление ревности в его душе переплетено с усилением засушливой жары во внешнем мире. Герой громит маленький водовод, устроенный Ленькой для головастика. Сопровождает разгром «непонятная злость»:

¹ См. библиогр. данные о текстах, которые затронуты в настоящей работе: Лаборатория фантастики. Электронный ресурс. URL: fantlab.ru/work/24457 («Жаркое лето»; приводится заглавие «Очень жаркое лето»); 233134 («День чужой смерти»); 24458 («Наследница»); 24460 («Черта города»); 13191 («Облака над дорогой»); 24461 («Никто не умрет»); 24463 («Чужедомье»); 24470 («Лесное чудо»); 24448 («Ночное знакомство»); 24465 («Тихая просьба»); 13192 («Ныне, вечно и никогда»); 24466 («Людская единица»); 24467 («Змеинный день»); 13190 («Счастливый неудачник»); 13188 («Сестра печали»); 14285 («Миллион в поте лица»). Из других биографических сводов необходимо отметить Архив фантастики: Электронный ресурс. URL: archivsf.narod.ru>1915/vadim_shefner/index.htm (дата обращения: 01.09.2023).

«Не сразу я догадался, что надо разрушить это Ленкино сооружение, но когда догадался, то сразу принялся за дело»¹.

В герое пробуждается совесть, когда Шуручка «улыбнулась и стала исправлять разрушенное». Работа ей дается тяжело. Герой раскаивается и помогает Шуручке. Затем появляются «первые капли дождя, первого дождя за это жаркое лето» как прием сопоставления содержания чувств подростка и состояний природы. Созидание и спокойное упорство одерживают победу над страстью, обернувшейся злым умыслом. Обращаясь к миру природы, автор наметил простые параллели к эмоциям персонажей, тем самым придав рассказу назидательное значение. В ранних стихах Шефнера по аналогии важны «уроки, которые природа преподает человеку» [9, с. 32].

В рассказе «День чужой смерти» писатель обратился к теме детской беспризорности 1920-х годов. Данному произведению близки «Республика ШКИД» Г. Белых и Л. Пантелеева, произведения А. С. Неверова, А. С. Макаренко, Л. Н. Сейфуллиной, о чем упоминает И. С. Кузьмичев [9, с. 6, 164]. Эти прецеденты, безусловно, требуют внимания со стороны исследователей.

В рассказе воссоздана атмосфера ранних советских лет с достаточно зловещими чертами. Основной топос рассказа – детский дом, устроенный при бывшем монастыре, поэтому воспитанники ходят в монастырскую церковь «воровать свечки», а на растопку тащат «кладбищенские кресты с могил». Здесь можно усмотреть переключки с повестью Л. Сейфуллиной «Правонарушители» (1922), где, среди прочего, была показана ликвидация монастыря. Надо напомнить, что руководимая Макаренко колония имени Максима Горького также заняла помещения Куряжского Преображенского монастыря под Харьковом. Но в «монастырском» помещении располагался и детский дом в Старой Руссе, где будущий писатель провел некоторое время, о чем написал в книге воспоминаний «Имя для птицы, или Чаепитие на желтой веранде»

¹ В статье в дальнейшем приводятся цитаты из текстов электронного ресурса Лаборатория фантастики. Электронный ресурс. URL: fantlab.ru/work в соответствии с названием и номером произведения (см. предыдущую сноску), кроме отдельно оговариваемых случаев.

[19; с. 67–68]. Возможно, речь идет об упраздненном Спасо-Преображенском мужском монастыре¹.

Шефнер переосмыслил мотив слома прежних духовных основ жизни, разрабатывая образ главного героя-рассказчика из младших подростков. Он обратился к внутреннему миру этого персонажа и показал, как в его душе проявилось хорошее начало. Главный герой относится по-доброму к робкой и неумелой девочке Леле Голубевой: «Видно было, что она всего здесь смущается, и мне было жаль ее. Но помочь я ничем не мог». Жалость дополняется более сложными ощущениями. То, что Леля вошла в жизнь героя, помогает ему не бояться смерти ровесника, с которой он сталкивается, попав в лазарет: «Тогда я стал думать о Леле, и стало не так страшно». Но Лелю находят и забирают родители. После разлуки исчезают даже следы на глинистом берегу реки, по которому герой и его подруга гуляли. Эта деталь провоцирует вспышку агрессии. В результате героя переводят в другой дом – «для трудновоспитуемых». Критики отмечают сложную природу чувства любви в стихах Шефнера: «Любовь была недостижимым совершенством, под стать природе. Она тоже, в сущности, являла собой непознанную тайну, продиктована была тем же неутоленным чувством единения с миром <...>, которого здесь труднее всего было достигнуть» [4; с. 38–39].

Взявшись за прозу, Шефнер сообщил это чувство подростку, начинающему жить. Автор «Дня чужой смерти» показал, насколько хрупким может быть совершенство, как легко его утратить и в мире душевных порывов, и во внешней жизни.

Есть ли сходные темы в советской детской прозе 1920-х – 1930-х годов? Соотношения природы и сознания ребенка интересовали А. П. Гайдара, когда он работал над рассказами «Голубая чашка» (1936) и «Чук и Гек» (1939) [14; с. 247–250]. Но в «Жарком лете» Шефнер связал эти переключки с историей первой любви. В целом же раннего Шефнера интересовало не только самоопределение беспризорника-подростка внутри коллектива, но и его глубоко личные искания в руинированном мире. Это роднит «День чужой смерти» как с «Правонарушителями» Сейфуллиной или с повестью Неверова

¹ Иванов С. Классический след в фантастике Вадима Шефнера. Электронный ресурс. URL: magazines.gorky.ru/neva/2013/6 (дата обращения: 01.09.2023).

«Ташкент – город хлебный», так и с «Республикой ШКИД». Однако у Шефнера на первый план стали выходить ранние переживания чисто интимного свойства.

Шефнер не ставил высоко «День чужой смерти» и был рад, что его публикация в журнале «Ленинград» в 1940 году прошла незамеченной: «Ныне, на исходе дней своих, я склонен думать, что к прозе приобщила меня Великая Отечественная война», – резюмировал писатель [19, с. 291]. Тогда в его мире складывалось непростое переплетение творческих поисков. Судя по записи из дневника Шефнера от 14 февраля 1943 года, «Республика ШКИД» была «под рукой» у него, в то время военного журналиста [19, с. 338]. Но трудно судить, как эта книга влияла на новые коллизии творчества писателя, обусловленные войной.

Уместно выделить два рассказа, где юные герои Шефнера соприкасаются с военной жизнью. В рассказе «Наследница» (1943) офицер, смертельно раненный при отступлении, отдает маленькой девочке свои документы с просьбой их вернуть, «когда наши придут». Потерявшая мать девочка, напоминающая офицеру его умершую маленькую дочь, заботится о нем.

В рассказе «Черта города» (1946) главный герой, «ученик второго класса Коля Петров», отец которого погиб на войне, а мать переехала в Ленинград, вместе со своим одноклассником Женькой Грибовым пытается расшифровать выражение «городская черта». Они ищут эту черту в реальности и попадают на окраину Ленинграда, где сохранились следы боевых действий. В итоге дети понимают черту города как рубеж, где наступление врага было остановлено.

В этих рассказах тема беспризорного детства оборачивается темой потери родителей на войне. Трагизм предстает как явление повсеместное. Но связаны с ним и секреты. В «Наследнице» надо сохранить тайну, связанную с документами офицера. В «Черте города» раскрыто явление, непонятное юным героям. В первом случае диктат жестокой реальности безразделен. От него не уйти даже в предсмертный бред. Но тайна, доверенная ребенку, позволяет взрослому не пропасть бесследно. Точно так же Коля Петров и Женька Грибов, проникаясь тайной и раскрывая ее, осознают реальный смысл того, что происходило вокруг Ленинграда во время недавно

завершившейся войны. Грань между действительностью и условными обозначениями здесь стерта. Так постигается мир.

Далее Шефнер вернулся к теме детства своих ровесников 1920-х годов, создав первую крупную прозаическую вещь. Это повесть «Облака над дорогой» (1947–1956 или 1949–1954) [9, с. 164]. В разное время она привлекала внимание исследователей [9; 21]. Так, И. С. Кузьмичев отметил: «Повесть менее всего похожа на стройное жизнеописание, на историю одного детства. Она скорее напоминает цепь эпизодов, без начала и завершения, калейдоскоп сцен, жизненных случаев, и объединяется образом одиннадцатилетнего Димки...» (курсив наш. – С. Д.) [9, с. 167] (см. также: [1; 21; с. 7–8]). Кузьмичев уточняет, что цель автора состоит не просто в описании беспризорничества в послереволюционные годы – он рассказывает о нравственном становлении своего двойника: «Автор постепенно прослеживает, как в обыкновенном, слегка флегматичном мальчишке рождается любовь к красоте, чувство изящного, как складывается в нем художник, томящийся от неумения передать словами свое удивление...» [9; с. 168–169].

Как решалась эта авторская задача? «Герой сделался сиротой, ему были "присвоены" многие приключения, случившиеся со знакомыми Шефнера или просто услышанные им где-то» [21, с. 7]. Но дело, конечно, не только в том, что часть жизни автора связана с пребыванием в детских домах. Важнее, как именно юный персонаж видит красоту за тяготами жизни.

Димка живет у тетки, которая не любит его. Отдушину он находит, общаясь с друзьями и с девочкой по имени Валя Барсукова. «Валя была обыкновенная, простая девочка. Но только такая ли уж простая? <...> С тех пор, как я заметил Валу, моя жизнь в чем-то очень переменялась к лучшему, только я не знал, в чем. Ведь все было как было, все оставалось на своих местах. Но я стал видеть то, что раньше не замечал, и мир становился для меня шире».

Познание мира связано с чувством гармонии. К нему Димка идет, отзываясь на «обыкновенное» начало. Возникает чувство загадочности, а потом привлекательности мира и людей. Развивая эту коллизию, Шефнер создает «цепь эпизодов», или «набор зарисовок из прошлого, во многом наивных и туманных» [21, с. 8]. Димка бежит от своей тетки, после опасной

игры со взрывчатыми веществами попадает в военный госпиталь. Там он испытывает непростой порыв: «Опять хотелось выйти на широкую полевую дорогу и шагать, шагать по ней куда глаза глядят: идти мимо городов и деревень и отдыхать у тихих лесных рек, и слушать, как неторопливый широкий ветер шумит, раскачивает придорожные вербы. Ведь так хорошо на земле!» Этим укрепляется чувство гармонии.

Однако Димка проходит через серьезные несчастья. Жизнь немыслима без движения, без дороги (ср.: [3, с. 195]). Но туда ребенка выталкивает злоба близких. По возвращении Димки из госпиталя тетка и ее новый муж не кормят его досыта. После ложных обвинений в краже он сбегает.

Попытки определиться в мире, окружающем героя, облегчаются за счет символов: «Зеленая цыганская звезда дрожала, мерцала в высоте, будто огонек на ветру – вот-вот или погаснет, или разгорится, вспыхнет огромным зеленым солнцем. В городке я слышал, что заглядываться на эту звезду нельзя, а то станешь бродягой, нигде тебе не будет угла <...>. Но и у земли были свои, живые огни» – на железной дороге и в домах. Через преобразование символа (звезда, огонь) мотив дороги дополняется чувством покоя. Этот покой Димка чувствует, попав в лес и ночуя там. Правда, испытывает он и страх, и усталость: «Теперь меня вела вперед только надежда». Затем в судьбу Димки входят взрослые люди, которые не удерживают его силой, но кормят, лечат, дают крышу над головой. Димка селится у старика-сторожа и помогает ему в хозяйстве.

Быт 1920-х годов в «Облаках над дорогой» выведен правдиво, то есть трудным. Деревенский быт – не исключение. Но работа учит Димку избавляться от страхов. Он ходит мимо места, где «когда-то, очень давно, разбойники зарезали купца». Там «начиналась моя зона ужаса <...>. Боялся я <...> неизвестно чего; это был самый плохой страх. <...>. Но вот я входил в березовую рощу, и здесь кончалась зона ужаса». Страх проходит в ситуации, когда надо нести груз. Реальное дело отвлекает от фантазий, притом, что Димка радуется работе. На пользу гармонии действует практическая сторона жизни.

Случайная встреча с мужем тетки толкает Димку на новое бегство. Он примыкает к беспризорникам, попадает в дет-

ский дом. А там диктат быта вновь поверяется поэтическими чувствами. «Я распахнул дверь на балкон и словно повис над землей в прозрачном и прохладном утреннем воздухе. Отражаясь в реке, по светлому небу плыли облака, а по ту сторону реки уходила вдаль размытая дорога и словно звала меня ступить на нее и идти по ней все дальше и дальше». Эта дорога – знак полноценного развития. Теперь дурные вещи ничего не решают. Испытания детства дают силу для взрослой жизни. «Я был путником на дальней дороге. Утро жизни было светлое, но не безоблачное, – в небе надо мной плыли облака. В те дни я не думал, развеются они к полудню или стугнутся в грозовую тучу – ведь дорога вела вдаль, вперед».

Оказался ли Димка художником, чувствующим красоту мира? Такое восприятие у него сохраняется. Но важно другое. Обстоятельств, способных всерьез подавить человека, для Шефнера в итоге словно не существует. Так автор суммировал опыт своих ровесников, начало пути которых отображено в прозе Сейфуллиной, Неверова, Белых и Пантелеева, Макаренко.

«Облака над дорогой» – «не популярное в советские годы повествование о трудном детстве, из которого героя вывела революция. Но и не сусальная картинка безоблачного детского рая...» [21, с. 8]. Шефнер явно искал свой путь между этими литературными крайностями. Поэтому он заставил юного героя чувствовать гармонию мира, невзирая на все виды трудностей.

«Облака над дорогой» бегло сопоставлены со сценами детства Сани Григорьева в романе В. А. Каверина «Два капитана» (1938–1944), с творчеством М. Горького, Л. Пантелеева и А. С. Грина¹. Надо отметить, что Шефнер впервые прочитал «Два капитана» в начале марта 1943 года [9, с. 339]. «Облака над дорогой» создавались на рубеже 1940-х – 50-х годов. Тогда текст «Двух капитанов» уже сложился полностью. Но Шефнер резонировал лишь на тему самоопределения и воспитания ребенка. К прозе Горького, Пантелеева или Грина «Облака над дорогой» близки настолько, насколько Шефнер противопоставил темные стороны жизни ощущению гармонии.

¹ Распопин В. Поэт Васильевского острова (о книгах и прозе Вадима Шефнера) // Старый книголюб рассказывает. 13 июля 2023 года. Электронный ресурс. URL: <https://dzen.ru/a/ZK-WK-fHPwnpj7Lc> (дата обращения: 01.09.2023).

Эта повесть открыла Шефнеру важную творческую перспективу. В 1950-е – 60-е годы писатель создал ряд рассказов, где круг тем, сложившихся в его прозе, разработан подробно и многообразно (см.: [8; с. 214–215; 9, с. 174]).

Надо отметить рассказ «Никто не умрет» (1953, опубл. 1957), где ребенок удачно излечивается от тяжелой болезни. Эта тема решена оптимистически. Но всё же главные герои прозы Шефнера – именно неустроенные дети 1920-х годов. Среди них вновь выделены девочки как носительницы совершенства. В рассказе «Чужедомье» (1957) беглец из детского дома Дима по прозвищу Латыш принят в чужую семью. Для Шефнера это повод к описанию быта и нравов эпохи. Во главу угла ставятся нравы, то есть настроения людей. Женщина, у которой живет Дима, по имени Агриппина, изъясняется так, что очевиден ее религиозный опыт («аки Симеон-столпник», «аки лев рыкающий», «грешник египетский», «блудница вавилонская»). Но в комнате у нее висит портрет Ленина. Она жалеет юного героя и дает ему приют. На Диму производит впечатление дочь хозяйки, девочка по имени Надя: «За столом сидела девчонка примерно моих лет. На ней было ситцевое платье, синее в белую горошинку, в каштановых волосах белел цветок. Хоть платье было линялое, но девчонка казалась нарядной – может быть, из-за цветка». Дима пикируется с Надей, но, общаясь с ней, он испытывает чувство гармонии: «Вспомнилась мне дорога, упирающаяся в море, <...> и то ощущение радости и свежести, которое бывало по утрам, когда будила мать. И <...> я вдруг почувствовал себя беспричинно счастливым, и мне показалось тогда, что все теперь на свете хорошо, и так и будет всегда». Сходные чувства у героев Шефнера вызывали Леля Голубева («День чужой смерти») и Валя Барсукова («Облака над дорогой»).

В отличие от Лели Голубевой, Надя легко справляется со сложностями быта. Вообще юные герои «Чужедомья», по существу, обречены на самостоятельность. Этому содействуют худшие представители мира взрослых. Они ненавидят беспризорников. Диму и Надю подозревают в сексуальных намерениях. Когда Агриппина заболевает, Диму выгоняют из дома.

Своего рода преемницей Нади, интересной для своих друзей и внутренне твердой, оказывается Эльвира – ге-

роиня рассказа «Лесное чудо» (1959, опубликовано в 1961). Из-за нее соперничают юный рассказчик и его старший брат Володька. Но сюжет «Жаркого лета» не повторяется впрямую. Володька находит в лесу будильник и хочет подарить его Эльвире. Реакции взрослых на эту находку описаны с иронией. За их счет выстроена некая иерархия восприятий. « – Век прожила, но чтоб будильники на пнях росли – не видывала. Не к добру это. В прошлом году наводнение страшное было, а теперь вот будильники на пнях появились. Может, это Бог знаменье явил? – Только и дел у Бога, что будильники на пни ставить, – сердито возразила бабушка. – Да и будильник-то нынешний, советский... Бог <...> незачем поминать его имя всуе. Если он захочет явить знаменье, то он, скажем, возьмет и исцелит страждущего. Или, наоборот, сокрушит грешника».

Кроме простых женщин, высказывает свое мнение герой-интеллигент: «Будильник в данном аспекте можно рассматривать как ноумен, или как феномен, или же дуалистично – как ноумен и феномен одновременно. Имеем посылку: трансцендентный пень и трансцендентальный будильник. Будильник как бы существует в физическом плане, но если принять за примат иррациональность бытия, то искомое решение проблемы надо искать в плоскости чувственного восприятия». Решение возникшей загадки простое. Володька пробует подарить будильник Эльвире и разбивает его после ее отказа. Тайна, связанная с находкой, отринута за ненадобностью и ничтожностью. Этим она отличается от масштабных тайн, с которыми в более суровое время столкнулись дети – герои рассказов «Наследница» и «Черта города».

Попытки же грубо проникнуть в тайну ведут к смешному положению. Об этом был написан рассказ «Ночное знакомство» (1961). Теперь Володька и его брат хотят завести собаку, которую брат видит во сне. Герои пытаются «сманить» собаку из снов в реальный мир. Для нее они продают книги, взятые из дома, и покупают колбасу. Вместо собаки брату Володьки снится лев, которого он «днем видел в зоосаде». В придачу вскрывается исчезновение книг.

Трагическое начало раскрывается в рассказе «Тихая просьба» (1961), где пожилой человек кончает с собой, ранее попросив покурить у беспризорников. Его нерас-

крытая драма и жизнь детей пересеклись случайно. Этим усугубляется ощущение беды.

В обсуждаемых рассказах Шефнера частный случай может оказаться ключом к далеко идущим смысловым обобщениям. Притом «лирическая исповедь уступает место драматическим и полукомическим эпизодам, сюжет, как таковой, приобретает в этих рассказах бóльшую самостоятельность, а взрослые персонажи <...> уравниваются в правах с главным героем» [10; с. 174–175]. Это связано с тем, что Шефнер стремился передать «взрослые» проблемы эпохи, описывая в первую очередь мировосприятие детей.

Принципиально важны рассказы «Ныне, вечно и никогда» («Сегодня, завтра и никогда», 1961, опубл. 1963, 1975), «Людская единица» (1962, опубл. 1964, 1975) и связанный с ними «Змеиный день» (1962, опубл. 1963). Здесь Шефнер уже напрямую и всерьез сблизил сознание ребенка с духовными, идейными драмами ранних советских лет. Главного героя зовут Толька. Далее он получил имя Волька, то есть Всеволод. Последнее введено в текст «Людской единицы» в двухтомном собрании [16]. Имя Толька было восстановлено при публикации «Людской единицы» и «Змеиного дня» в четырехтомном собрании сочинений [17]. На 12-летнего ребенка воздействует ряд взрослых героев. Его умирающий отец – царский офицер и дворянин (немец по происхождению), ставший красным командиром, стремится преподать сыну основы социальной этики. Создавая этот образ, Шефнер использовал черты биографии своего отца. Напротив, несостоявшаяся мачеха Тольки-Вольки по имени Георгина не просто бросает его сиротой, но и освобождает себя от любых, притом, давних обязательств перед Богом и людьми. За этим стоит глубокое внутреннее потрясение, созревшее не за один день. Доморощенный мыслитель, фельдшер по фамилии Дождевой, учит мальчика не идти на поводу у чувства смерти, поддерживая живых, пока те живы. В рассказе «Змеиный день» дети, живущие в детском доме, усваивают именно такое отношение к жизни.

В рассказах 1950-х – начала 1960-х годов Шефнер соединил тему духовного развития детей и подростков с описанием «характеров, погруженных в конкретное историческое

время»¹. Бытовые детали также сочетаются с отображениями того, как герои мыслят, что чувствуют и усваивают. Любые, даже трагические, ситуации при этом выводятся ровным тоном и объективно.

Это равновесие смыслов – важная черта зрелой прозы Шефнера. «Самая жестокая правда и самая ласковая сказка в его творчестве неотделимы друг от друга»². Устоялись также другие черты: «автобиографичность даже очевидно выдуманных историй», наличие в ряде текстов лирического героя-рассказчика, на кругозор которого влияла неодолимая «тяга автора к деталям, к подробным описаниям природы, состояния души»³. Такие предпосылки вели к тождеству образов, при котором рассказчики как будто переходят из текста в текст. На этом фоне писатель создал наиболее известное произведение из детской жизни – это повесть «Счастливый неудачник» (1962–1964, опубл. 1965). Ее главный герой, поэт Виктор Шумейкин, вспоминает, как он с раннего детства (то есть с середины 1920-х годов) писал стихи. В этом произведении уже полностью проявились индивидуальные черты стиля Шефнера-прозаика: гиперболизация быта, «выплескивающийся наружу» юмор, заострение черт персонажей, нагнетание комических деталей [10, с. 179]. События в повести мотивированы за счет самой обыденности, но она хаотична, и именно это становится поводом для «гиперболизации» быта. Притом по ходу повествования 1920-е годы в Ленинграде вытесняются началом 1930-х. Меняются реалии, среди которых взрослеет и находит себя главный герой. Вновь для Шефнера существенны образы девочек (Лиза, «красивая Муся» – см. о возможном прототипе последней: [19, с. 216]). С подачи этих героинь Виктор совершает опасные выходки. Втянувшись в дворовую игру, он падает с карниза. Потом, рассчитывая истребить мышей на съемной даче, поджигает ее. Эти ситуации побуждают ребенка к сочинению стихов. Его «творчество питается впечатлениями, идущими от действительности, перерабатывает эти впечатления» [5, с. 562]. Под конец пове-

¹ Урбан А. Продолжение поэзии (Послесловие к сборнику повестей Вадима Шефнера «Сестра печали»). Электронный ресурс. URL: litmir.club/br/?b=43800 (дата обращения: 01.09.2023).

² Распопин В. Поэт Васильевского острова (о книгах и прозе Вадима Шефнера) // Старый книголюб рассказывает. 13 июля 2023 года. Электронный ресурс. URL: <https://dzen.ru/a/ZK-WK-fHPwprj7Lc> (дата обращения: 01.09.2023).

³ Там же.

сти юный Шумейкин приходит «к более глубокому пониманию и чувствованию этой действительности» [5, с. 562]. Верен и другой эффект: «Значение этого творчества важно скорее для самого ребенка, чем для литературы <...> прежде всего для правильного развертывания сил самого автора» [5, с. 563].

Но бесцеремонное вторжение взрослых в мир ребенка Шефнер порицает. С этим связана пародия на педологические тесты-анкеты в 3-й главе «Счастливого неудачника». Более плодотворный контакт с Виктором в разное время устанавливают поэты, которые сочетают условную простоту мировосприятия с очевидным сарказмом. Шумейкин видит гармонию одновременно в обычных и необычных вещах. На это влияет растившая его тетка, называемая в повести тетей Аней. А также повзрослевшая Лиза и Маргарита – первая любовь Виктора

Все трое, как и брат Маргариты Николай, сильны, смелы и упорны. Это показано в сцене морской прогулки по Финскому заливу, которая едва не стоила жизни Шумейкину, Маргарите и Николаю. Смелость Виктора чуть позднее сочетается с грустью, предшествующей настоящему вдохновению. Шумейкин становится поэтом.

Шефнер вернулся к теме формирования характера ребенка в повести «Миллион в поте лица» («Любовь на развалинах, или Миллион в поте лица», 1971, опубл. 1972). Время и место действия – 1921 год, Петроград. Главный герой – 12-летний мальчик Костя. Описывая его, Шефнер дублировал автобиографические детали образа Тольки (Вольки). Пока отец Кости служит в Красной Армии за пределами Петрограда, мальчика воспитывает его тетка, вдова офицера Анна Карловна. В повести она, как и в «Счастливом неудачнике», зовется тетей Аней. Шефнер снова проявил себя бытописателем, хорошо помнившим эпоху. В основу сюжета легла деталь, связанная со знаком того времени – инфляцией. Костя под влиянием приятеля тайно берет из дома деньги, составляющие сумму в миллион рублей. Он тратит их на еду, но хочет возместить взятое и ищет возможность заработать. Ему помогает Нюта, юная тезка тети Ани. Для Кости она – любимая подруга и своего рода воспитательница. Дети пытаются перебороть трудную судьбу. Нюта бросает ей прямой вызов. Отец девочки погиб, и от нее это скрывают. Попав вместе с Костей в недостроенный дом, Нюта проходит

по железной балке на высоте шестого этажа. Потом говорит: «Я загадала: если я не упаду, значит, папа скоро вернется». Эта и другие фантазии не мешают Нюте точно ориентироваться в окружающем мире. Костя же, будучи не ведущим, а ведомым, способен на серьезный для него поступок.

Начинаются блуждания по Петрограду в поисках денег. Взрослые (тетя Аня, жилец-инвалид по фамилии Который) не мешают Косте самостоятельно вести себя и напрямую знакомиться с теми или иными, не всегда положительными, явлениями жизни. Связанные с этим риски профилактуются. Взрослые подвергают действия мальчика твердым оценкам, при этом говорят с ним на равных и всегда обсуждают сложные для восприятия ситуации. Взрослые персонажи апеллируют к здравому смыслу («Понимай все так, как тебе подсказывает твой ум») и чувству ответственности. Этот подход важен на фоне всеобщего хаоса.

Война, насилие и смерть определяют атмосферу, в которой растут Костя и его ровесники. Гибель окружающих – часть обычной жизни. Характерна встреча Кости с обаятельной девочкой-беженкой, уже не только видевшей расстрелы, но и собиравшей после них патроны. Шефнер не случайно показывал, как среди потрясений люди тянутся к химерам. Это создает в повести трагикомические эффекты.

Костя перепечатывает на пишущей машинке (и однажды даже сам сочиняет) «предсказы», которые привлекают и взрослых, и Нюту. Разыскивая художника, которому Костя нанялся позировать, дети попадают на собрание популярной секты «немытиков». Такие факты поверяются строгой религиозностью тети Ани и тем, что в круг чтения Кости входят произведения Н. В. Гоголя («Вий»), Э. Т. А. Гофмана («Эликсиры Дьявола»), Е. П. Блаватской. Все это питает фантазию мальчика, не мешая разуму, логике и формированию воли.

Костя умеет справляться со своими страхами. Зарабатывая, он старается вести себя по-деловому. Из книг предпочитает «Трое в лодке, не считая собаки» Дж. К. Джерома (в тексте повести «Трое в одной лодке». – С. Д.). Эротическая литература из библиотеки жильца Которого вызывает у Кости скуку. В итоге Костя и Нюта зарабатывают деньги, помогая незнакомой женщине нести крест к могиле ее

деда. Потом они сидят на взморье и чувствуют вечную гармонию окружающей их жизни.

Темы воспитания и самовоспитания главного героя раскрываются за счет того, что «подросток, подобно герою старинного плутовского романа, проходит немало испытаний, узнает многих людей»¹. Разные по смыслу персонажи и явления по-прежнему изображаются равноправно. Автор вновь проявил отчетливую объективность, как и при раскрытии внутреннего мира Кости.

После «Миллиона в поте лица» Шефнер, среди прочего, обратился к мемуарной прозе. Он описал свое собственное детство в книге «Имя для птицы, или Чаепитие на желтой веранде» (1973–1975) и отчасти в ее продолжении – книге «Бархатный путь»². Мы не ставим в один ряд художественные и автобиографические тексты Шефнера, хотя и учитываем их близость.

Обсуждение и выводы

В пределах художественной прозы В. С. Шефнера герои развиваются на фоне эпохи так же, как это происходило с самим автором. Но образы героев связаны с набором конкретных тем (беспризорное детство, болезнь, первая любовь), раскрытие и взаимосвязь которых в каждом случае неоднозначны. В мемуарах описано становление реальной личности автора, причем тема его детства и юности – не единственная. Важно, что Шефнер взялся описывать свою жизнь только после того, как он разработал ряд вымышленных сюжетов. Безусловно, точки соприкосновения биографии писателя с этими сюжетами нельзя игнорировать. Изучению первые подлежат, как и вторые.

В эпоху трагических потрясений юные герои повестей и рассказов Шефнера учатся жить своими силами и умом. Дети и подростки разгадывают обусловленную жизнью явления, находят опоры для себя. Подробно и достоверно изображено становление их характеров. Тон повествования,

¹ Распопин В. Поэт Васильевского острова (о книгах и прозе Вадима Шефнера) // Старый книголюб рассказывает. 13 июля 2023 года. Электронный ресурс. URL: <https://dzen.ru/a/ZK-WK-fHPwprj7Lc> (дата обращения: 01.09.2023).

² См. оценки мемуарной прозы Шефнера в контексте биографии и творчества писателя: Кузьмичёв И. Птица по имени Судьба // Звезда. 2020. № 1. Электронный ресурс. URL: zvezdaspb.ru (дата обращения: 01.09.2023).

по возможности, ровен. Это не зависит от того, ведется ли оно от первого лица.

Такова важная часть творческого наследия Вадима Сергеевича Шефнера. Она занимает достойное, хотя и мало оцененное, место в истории русской прозы XX века.

Список литературы

1. Арбитман Р. А. О героях Вадима Шефнера // История Фэндом. – 2019. – № 2. – С. 1–8.
2. Арро С. Е. Поэзия Вадима Шефнера // Литература в школе. – 1965. – № 6. – С. 27–31.
3. Арьев А. Пути ушедших лет, пути грядущих дней. О прозе Вадима Шефнера // Звезда. – 1978. – № 1. – С. 192–193.
4. Барташевич Л. «Склонившись над строкой, словесный строю мост...»: О творчестве поэта В. Шефнера // Нева. – 1985. – № 9. – С. 152–156.
5. Выготский Л. С. Воображение и творчество в детском возрасте // Выготский Л. М. Мышление и речь. Сборник / предисл., сост. Е. Красной. – М.: АСТ; Хранитель, 2008. – С. 497–594.
6. Иванов С. И. Классический след в фантастике Вадима Шефнера // Нева. – 2013. – № 6. – С. 213–219.
7. Иванов С. Лачуга должника (О духовном содержании фантастики В. Шефнера) // Север. – 2013. – № 7–8. – С. 208–212.
8. Калмановский Е. Простое искусство // Звезда. – 1958. – № 3. – С. 214–215.
9. Кузьмичёв И. С. Вадим Шефнер. Очерк творчества. – Л.: Советский писатель, 1968. – 203 с.
10. Кузьмичёв И. Летопись впечатлений: [Заметки об автобиографической повести В. Шефнера «Имя для птицы, или Чаепитие на желтой веранде»] // Нева. – 1981. – № 7. – С. 175–182.
11. Кузьмичёв И., Цурикова Г. Контрасты осязаемого времени. Портреты. Размышления. – Л., 1988. – 346 с.
12. Македонов А. Вадим Шефнер // Портреты и проблемы. Статьи о писателях. – Л.: Художественная литература; Ленинградское отделение, 1977. – С. 260–290.
13. Пращкевич Г. Вадим Сергеевич Шефнер // Г. Пращкевич. Красный сфинкс: История русской фантастики: от В. Ф. Одоевского до Бориса Штерна. – Новосибирск: Свинья и сыновья, 2007. – С. 450–457.
14. Путилова Е. О. Дети и время в произведениях А. П. Гайдара // Детская литература. Учебник / под ред. Е. О. Путиловой. – М.: Академия, 2008. – С. 247–250.
15. Филиппов Г. О парадоксах В. Шефнера: к 70-летию со дня рождения // Звезда. – 1985. – № 1. – С. 173–178.
16. Шефнер В. Избранные произведения: В 2-х т. – Л.: Художественная литература, 1975. – Т. 2. – 608 с.
17. Шефнер В. С. Собрание сочинений: В 4-х т. – Л.: Художественная литература, 1991. – Т. 2. – 624 с.
18. Шефнер В. Сестра печали. Повести и рассказы. – СПб.: Библиоглобус, 1995. – 400 с.
19. Шефнер В. С. Листопад воспоминаний. Мемуарная проза. Дневники. Литературные заметки. Интервью / сост., автор предисл. и коммент. И. С. Кузьмичёв. – СПб.: Logos, 2007. – 464 с.
20. Эльяшевич А. Поэзия Вадима Шефнера // Нева. – 1963. – № 12. – С. 160–167.
21. Эрлихман В. В. Проза поэта // Шефнер В. С. Облака над дорогой. Повесть. Рассказы. – М.: Нигма, 2022. – С. 5–18.

Sergey V. Dobryakov

The World of Children in Vadim Shefner's Prose

The purpose of the work is to describe the fiction of Vadim Sergeevich Shefner, which is united by the theme and problem of childhood. The circle of texts corresponding to this is described. The author created these texts throughout the 1940s – 1970s. The problem of self-determination and education of young characters, moral conflicts in the difficult conditions of the formation of adolescent characters are studied. This is Soviet life and homelessness of the 1920s, the difficulties of war and post-war times. The article correlates the plots of the stories with the facts of the writer's biography. The technique of artistic biography is described. With its help, the author in a work of fiction talks about the moral development of his double. The "biography" of the hero correlates with the author's biographical context. The context is reflected in the writer's memoirs. The context of Russian Soviet prose, the themes of which are similar to Shefner's work, is taken into account.

Key words: V. Shefner, prose, theme, tale, short story, children, harmony.

For citation: Dobryakov, S. V. (2024) Mir detey v prose Vadima Shefnera [The World of Children in Vadim Shefner's Prose]. *Art Logos – The Art of Word*. No. 1. Pp. 80–97. (In Russian). DOI: 10.35231/25419803_2024_1_80. EDN: JDTVAL

References

1. Arbitman, R. A. (2019) O geroyah Vadima Shefnera [About the heroes of Vadim Shefner]. *Istoriya Fendoma – History of Fandom*. No. 2. Pp. 1–8. (In Russian).
2. Arro, S. E. (1965) Poeziya Vadima Shefnera [Poetry of Vadim Shefner]. *Literatura v shkole. – Literature at school*. No. 6. Pp. 27–31. (In Russian).
3. Ar'ev, A. (1978) Puti ushedshih let, puti gryadushchih dnei. O proze Vadima Shefnera [Paths of the past years, paths of the days to come. About the prose of Vadim Shefner]. *Zvezda – Star*. No. 1. Pp. 192–193. (In Russian).
4. Bartashevich, L. (1985) «Sklonivshis' nad strokoy, slovesnyj stroyu most...»: O tvorchestve poeta V. Shefnera ["Bent over the line, I build a verbal bridge...": About the work of the poet V. Shefner]. *Neva – Neva*. No. 9. Pp. 152–156. (In Russian).
5. Vygotskij, L. S. (2008) Vooobrazenie i tvorchestvo v detskom vozraste [Imagination and creativity in childhood]. Vygotskij L. *Myshlenie i rech'*. *Sbornik [Vygotsky L. Thinking and speech. Collection]* Predisl., sost. E. Krasnoj. Moscow: AST; Hranitel' Publ. Pp. 497–594. (In Russian).
6. Ivanov, S. I. (2013) Klassicheskij sled v fantastike Vadima Shefnera [Classic trace in the fiction of Vadim Shefner]. *Neva – Neva*. No. 6. Pp. 213–219. (In Russian).
7. Ivanov, S. (2013) Lachuga dolzhnika (O duhovnom sodержanii fantastiki V. Shefnera) [The Debtor's Shack (On the spiritual content of V. Shefner's fiction)]. *Sever – North*. No. 7–8. Pp. 208–212. (In Russian).
8. Kalmanovskij, E. (1958) Prostoe iskusstvo [Simple art]. *Zvezda – Star*. No. 3. Pp. 214–215. (In Russian).
9. Kuz'michyov, I. S. (1968) *Vadim Shefner. Ocherk tvorchestva* [Vadim Shefner. Essay on creativity]. Leningrad: Sovetskij pisatel' Publ. (In Russian).
10. Kuz'michev, I. (1981) Letopis' vpechatlenij: (Zametki ob avtobiograficheskoj povesti V. Shefnera «Imya dlya pticy, ili CHaepitie na zheltoj verande») [Chronicle of impressions: (Notes on the autobiographical story by V. Shefner "A Name for a Bird, or Tea Party on the Yellow Veranda")]. *Neva – Neva*. No. 7. Pp. 175–182. (In Russian).
11. Kuz'michev, I., Curikova, G. (1988) *Kontrasty osyazaemogo vremeni. Portrety. Razmyshleniya* [Contrasts of tangible time. Portraits. Reflections]. Leningrad. (In Russian).

12. Makedonov, A. (1977) Vadim SHefner [Vadim Shefner]. *Portrety i problemy. Stat'i o pisatelyah* [Portraits and problems. Articles about writers]. Leningrad: Hudozhestvennaya literatura; Leningradskoe otделение Publ. Pp. 260–290. (In Russian).

13. Prashkevich, G. (2007) Vadim Sergeevich SHefner [Vadim Sergeevich Shefner]. G. Prashkevich. *Krasnyj sfinks: Istoriya russkoj fantastiki: ot V. F. Odoevskogo do Borisa SHterna* [The Red Sphinx: The History of Russian Science Fiction: from V. F. Odoevsky to Boris Stern]. Novosibirsk: Svin'in i synov'ya Publ. Pp. 450–457. (In Russian).

14. Putilova, E. O. (2008) *Deti i vremya v proizvedeniyah A. P. Gajdara* [Children and time in the works of A. P. Gaidar]. *Detskaya literatura. Uchebnik*, pod red. E. O. Putilovoj [Children's literature. Textbook, ed. E. O. Putilova]. Moscow: Akademiya Publ. Pp. 247–250. (In Russian).

15. Filippov, G. O. *paradoksa V. SHefnera: k 70-letiyu so dnya rozhdeniya* [On the paradoxes of V. Shefner: on the 70th anniversary of his birth]. *Zvezda – Star*. 1985. No. 1. Pp. 173–178. (In Russian).

16. SHefner, V. (1975) *I zbrannye proizvedeniya: V 2-h t.* [Selected works: In 2 volumes]. Vol. 2. Leningrad: Hudozhestvennaya literatura Publ. (In Russian).

17. SHefner, V. S. (1991) *Sobranie sochinenij: V 4-h t.* [Collected works: In 4 volumes]. Vol. 2. Leningrad: Hudozhestvennaya literatura Publ. (In Russian).

18. SHefner, V. (1995) *Sestra pechali. Povesti i rasskazy* [Sister of Sorrow. Novels and stories]. St. Petersburg: Biblioglobus Publ. (In Russian).

19. SHefner, V. S. (2007) *Listopad vospominanij. Memuarnaya proza. Dnevniki. Literaturnye zametki. Interv'yu; sost., avtor predisl. i komment. I. S. Kuz'michyov* [Leaf fall of memories. Memoir prose. Diaries. Literary notes. Interview] Compiled, author, foreword. and comment. I. S. Kuzmichev. St. Petersburg: Logos Publ. (In Russian).

20. El'yashevich, A. (1963) *Poeziya Vadima SHefnera* [Poetry of Vadim Shefner]. *Neva – Neva*. No. 12. Pp. 160–167. (In Russian).

21. Erlihman, V. V. (2022) *Proza poeta* [Prose of the poet]. SHefner V. S. *Oblaka nad dorogoj. Povest'. Rasskazy* [Clouds over the road. Tale. Stories]. Moscow: Nigma Publ. Pp. 5–18. (In Russian).

Об авторе

Добряков Сергей Валериевич, независимый исследователь (Санкт-Петербург, Российская Федерация); e-mail: serzh.dobryakov69@inbox.ru; ORCID ID: 0009-0006-8412-4079

About the author

Dobryakov Sergey V., Independent Researcher (St. Petersburg, Russian Federation); e-mail: serzh.dobryakov69@inbox.ru.; ORCID ID: 0009-0006-8412-4079

дата получения: 20.10.2023
дата принятия: 30.12.2023
дата публикации: 30.03.2024

date of receiving: 20 October 2023
date of acceptance: 30 December 2023
date of publication: 30 March 2024